

Имена и судьбы

Надписи на стенах тюрем Беларуси в период немецкой оккупации

Алексей ЛИТВИН,
доктор исторических наук, профессор

Надписи на стенах тюремных камер, к какой бы эпохе они ни относились, – это всегда своеобразные эпиграфические свидетельства чувств и переживаний узника, а порой – его последние слова или пожелания. Среди документальных свидетельств отечественной истории в близком к нам XX веке особое, щемящее чувство вызывают послания патриотов, брошенных в нацистские застенки. На пороге смерти они хотели сообщить близким о своей судьбе, предупредить товарищей об опасности.

В конце 1970-х годов, работая в группе по изучению архивных документов и воспоминаний участников Минского патриотического подполья, автор этой статьи столкнулся с информацией, что, находясь в заключении, подпольщики оставляли на стенах камер минской тюрьмы и застенков СД надписи. Узники надеялись, что кто-нибудь их прочтет и передаст информацию на волю. Публично первой об этом рассказала минская подпольщица Н.Т. Цветкова еще в начале 1950-х годов, когда были опубликованы ее воспоминания «900 дней в фашистских застенках» о пребывании в минской тюрьме и лагере смерти Освенцим. Вот как она описывает свое первое знакомство с надписями: «Как-то нас повели в баню. Разбили на две группы. Пока одна группа мылась холодной водой, другая, где находилась и я, ожидая своей очереди, толпилась на первом этаже, в камере № 13. И вдруг я увидела на стене нацарапанный список. После фамилии – адрес, число, когда прибыл и когда куда выбыл. Рядом – просьба передать родным об их судьбе. Вот подпись Д.А. Короткевича и адрес – ул. Малявцинская. Вот подписи – И. Иващенко, П. Цветков, Г. Гришин, Г. Сапун. После фамилии В. Никифорова приписка – выбыл в СД и не вернулся. Когда я прочитала список, нервы мои не выдержали – я заплакала. Все спрашивали, почему я плачу, но не было сил даже ответить» [1].

Сведения о надписях на стенах тюрем встречались и в ряде других воспоминаний, где говорилось не только о минской тюрь-

ме. Уже тогда возникала мысль собрать эту информацию и проанализировать. Автор не знал еще, что после освобождения Беларуси надписи на стенах тюремных казематов были скопированы и отправлены в Москву. Лишь недавно след этих сведений обнаружился в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), ранее – Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР). В нем хранятся дела с материалами по тюрьмам Беларуси, а также Украины и России. После снятия грифа секретности с описи фонда Тюремного управления (ТУ) НКВД (МВД) СССР за военный период, она стала доступна исследователям. И вот я в архиве...

Знакомство с материалами показало: по инициативе начальника Тюремного управления НКВД СССР комиссара государственной безопасности М.И. Никольского в конце августа 1943 года, в разгар широкомасштабного наступления советских войск после сражения на Курской дуге, начальникам тюремных отделов (ТО) НКВД-УНКВД периферийных органов (Краснодарского края, Ростовской, Курской, Орловской, Смоленской, Калининской и Ленинградской областей, Украинской ССР и Карело-Финской ССР) было дано указание по мере освобождения Красной армией советских городов организовать тщательный осмотр тюремных помещений на предмет обнаружения на стенах камер записей, сделанных узниками в годы оккупации. «Целью осмотра этих мест заключения является обнаружение архивов и записей на стенах камер,

указывающих фамилии содержавшихся под стражей, сущность их обвинения и т.п.

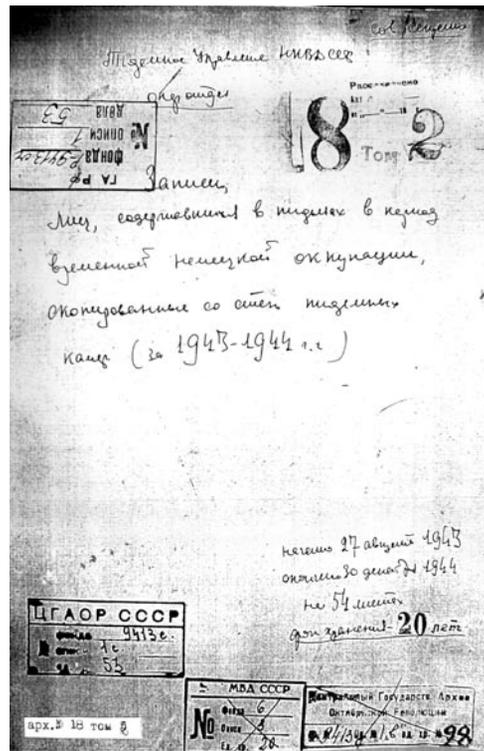
Содержание записей и фамилии необходимо точно списывать, а с документов снимать копии и все это немедленно направлять в оперативный отдел Тюремного управления НКВД СССР.

При наличии других возможностей установления фамилий содержавшихся в немецких тюрьмах советских граждан и военнопленных, а также мотивов заключения под стражу и причин освобождения из-под стражи, эти данные также подбирайте и сообщайте нам.

В связи с тем, что материалы, относящиеся к содержанию в немецких тюрьмах советских граждан и военнопленных, представляют оперативный интерес, к выполнению этой работы привлекайте только начальствующий и оперативный состав тюремных отделов и тюрем» [2, л. 21].

В конце сентября 1943 года, с началом освобождения Беларуси, эта директива была дополнена требованием: «О результатах осмотра тюрем в городах, освобожденных Красной Армией, и обнаружении документов или записей на стенах камер, составлять акты, в которые и заносить точное содержание обнаруженных документов и записей. Акты должны составляться и подписываться руководителем оперативной группы, прибывшей в тюрьму, с участием двух других работников Тюремного отдела (отделения) или тюрьмы (можно надзирателей), которые производили или в присутствии которых производилось [копирование] записи. При обнаружении записей на стенах камер, могущих послужить уликами, по возможности производить фотоснимки последних. Акты и фотоснимки высылать в Тюремное управление НКВД СССР в 1 экземпляре» [3, л. 18].

Исходя из этого указания, в Москву стали поступать материалы о надписях на стенах камер, а также информация о состоянии тюремных зданий, которые вновь принимались в лоно ведомства Никольского. Наконец, 30 декабря 1944 года, когда вся временно оккупированная территория СССР была освобождена от захватчиков, информация о надписях, собранных по 47 тюрьмам НКВД-УНКВД, была сведена в единый перечень (80 страниц машинописного текста) и разослана всем заинтересованным органам [4, л. 2–98].

Параллельно сотрудники Тюремного управления НКВД по отдельным лицам, на которых имелись «установочные данные», произвели проверку. О предварительных результатах ее говорится в докладной записке начальника ТУ НКВД СССР М.И. Никольского на имя наркома НКВД СССР Генерального комиссара государственной безопасности Л.П. Берии, датированной 25 марта 1945 года: «Докладываю на Ваше распоряжение записи на стенах камер, произведенные содержавшихся в тюрьмах во время немецкой оккупации. Осмотр тюремных помещений производился не-

ОБ АВТОРЕ

ЛИТВИН Алексей Михайлович.

Родился в 1951 году в д. Семигостици Столинского района Брестской области. В 1973 году окончил Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина.

В 1973–1975 годах служил во Внутренних войсках МВД СССР. В 1975–1984 годах – старший научный сотрудник Института истории партии при ЦК КПБ. С 1987 года – заведующий отделом истории Беларуси периода Великой Отечественной войны (в настоящее время – отдел военной истории и межгосударственных отношений) Института истории НАН Беларуси. Доктор исторических наук (2000), профессор.

Автор более 200 научных статей, ряда монографий.

Сфера научных интересов: военная история Беларуси периода Первой и Второй мировых войн, военное строительство, проблематика партизанской борьбы и коллаборационизма.

медленно по мере освобождения советских городов от немецко-фашистских войск. Обнаружено и заактировано 2180 пофамильных записей. 387 записей содержат в себе краткие установочные данные авторов. Указанные записи были скопированы в 47 тюрьмах НКВД–НКГБ. Через органы НКГБ были произведены установки на 102 человека, содержащихся в тюрьмах при немцах. В целях выявления немецких агентов, вербованных из контингента, содержавшегося в тюрьмах, нами проведена выборочная проверка (подчеркнуто мною. – А.Л.) Проверкой 6 человек [Кашников М.А., Щербаков Г.В., Веретенников А.А., Дмитриенко И.А., Шевчук А.Я., Пантелеев В.М.] установлено находящимися на службе в Красной Армии и 3 работающих в советских учреждениях. Все они скрывают свое пребывание в тюрьмах во время немецкой оккупации. По нашим ориентировкам соответствующие органы контрразведки НКО, НКВД и НКГБ выявленных лиц взяли в агентурную разработку».

Л.П. Берия поддержал инициативу Никольского. О чем свидетельствует его резолюция на документе:

Тов. Круглову. Копия: Тов. Кобулову

Сов. секретно

Тов. Никольскому

Заслуживает внимания. Представьте предложения об установке названных лиц. Не исключено, что такие надписи и в других тюрьмах и Германии.

Берия [5, л. 269].

Исходя из этого, 31 марта 1945 года был издан приказ народного комиссара внутренних дел № 00258 «О розыске немецкой агентуры, завербованной из лиц, содержащихся в тюрьмах на территории, освобожденной от немецко-фашистских войск». Приказ вышел под грифом «Совершенно секретно» и был отпечатан типографским способом, вместе с приложением «Записи лиц, которые содержались в тюрьмах...», в виде брошюры (объемом 88 стр.) [6, л. 6–6 об.].

Как видим, автора докладной записки и Л.П. Берия надписи интересовали только с точки зрения выявления лиц, которых могли завербовать немцы. Судьбы истинных патриотов, отдавших жизнь в борьбе с оккупантами, их не волновали.

Знакомство с документами ТУ НКВД СССР показывает, что работа по выявлению

надписей была организована сразу же после освобождения оккупированных территорий, в том числе и в Беларуси.

До войны на территории БССР находилось 32 следственные и срочные тюрьмы, предназначенные для содержания подследственных, а также наиболее опасных преступников, осужденных за контрреволюционные и уголовные преступления. После освобождения все сохранившиеся помещения тюрем сразу же брались в подчинение тюремных органов НКВД БССР. К сожалению, в отличие от Украины, документы тюремного отдела НКВД БССР за 1943–1945 годы в Беларуси не сохранились. О том, что происходило с тюрьмами на территории республики в этот период, можно судить лишь по документам, которые посылались тюремным отделом НКВД БССР в ТУ НКВД СССР. Вот один из них:

«Принято по ВЧ из Гомеля.

Начальнику ТУ НКВД СССР комиссару ГБ Никольскому.

Тюрьма г. Мозырь сохранилась полностью. В данное время установлен карантин на предмет разминирования. На месте находится начальник тюрьмы Туров и еще четыре тюремных работника.

№ 5/42 Нарком ВД БССР комиссар ГБ Бельченко.

18.01.1944 г.» [7, л. 49].

Из материалов дела видно, что планировалось открыть тюрьму в Брагине, но в связи с освобождением Мозыря потребность в этом отпала, как информировал 5 февраля 1944 года Москву Бельченко. Начальник тюремного отдела НКВД БССР майор госбезопасности Степанов после освобождения города Рогачева сообщил в ТУ НКВД СССР, что «здание бывшей тюрьмы в г. Рогачеве уничтожено. Других помещений, пригодных для организации тюрьмы, нет» [7, л. 50, 74].

В результате операции «Багратион» в июне – июле 1944 года территория БССР была полностью освобождена от захватчиков. Оперотделу Тюремного управления НКВД СССР работы прибавилось. 28 июня 1944 года Никольский телефонограммой по «ВЧ» потребовал от наркома НКВД БССР С.С. Бельченко дать информацию о состоянии тюрем и подсобных помещений в Витебске, Орше и Могилеве.

3 июля 1944 года в Москву сообщили: «Состояние тюрем в Витебске, Орше и

Могилеве: тюремные корпуса сохранились. Часть хозпостроек разрушена. Подробно сообщим дополнительно. Бабанов» [7, л. 136, 138].

12 июля 1944 года начальник ТО НКВД БССР майор ГБ Степанов отправил С.С. Бельченко и М.И. Никольскому рапорт о состоянии тюрем освобожденных городов БССР. Часть из них оказались разрушенными, другие – пригодными к использованию полностью или частично.

К сожалению, пока не удалось найти информацию о том, как осуществлялся процесс снятия копий с надписей на стенах тюрем на территории БССР. Имеются списки из 10 тюрем Беларуси, которые приведены в приложении к упоминаемому выше приказу Наркома НКВД № 00258. Как видно из документов, важнейшей задачей, которая стояла перед администрацией тюрем, был скорейший ввод их в действие. Так, тюрьма в Минске стала исполнять свои функции уже 5 июля 1944 года. Поэтому не исключено, что надпись, скопированная со стены камеры № 64:

«Здесь сидели майор Горностаев И.С., осужден 18 августа 1944 г., приговорен к расстрелу и с ним рядовой Хасимченко О.А. и Ивахин П.Н., все ждали помилования» [4, л. 63], могла быть оставлена уже новыми арестантами, а копировальщики просто не обратили внимания на ее содержание.

Непонятно почему, но в поле зрения ТУ попали лишь 10 тюрем БССР – в Гомеле, Пинске, Кобрине, Могилеве, Витебске, Орше, Минске, Столбцах, Лиде, Новогрудке [4, л. 61–98]. Хотя известно, что в годы оккупации на территории Беларуси в разное время существовало около сотни тюрем и мест принудительного содержания советских граждан. Сколько их было на самом деле, сколько там было сделано надписей и сколько из них документально зафиксированы, сегодня сказать трудно. Наиболее полные на сегодняшний день сведения о количестве тюрем содержатся в справочнике, подготовленном белорусскими архивистами под руководством В.И. Адамушко. В нем приведена информация о 75 тюрьмах (12 в Брестской, 12 в Витебской, 11 в Гомельской, 7 в Гродненской, 16 в Минской областях, 16 тюрем и 1 арестный дом в Могилевской области [8]). Однако эта информация не является исчерпывающей.

Во многих городах, кроме тюрем, существовали камеры предварительного заключения непосредственно в зданиях, которые занимали различные гитлеровские карательные органы (СД, «полиция порядка», «полевая тайная полиция» (ГФП), абвер-группы, жандармские участки и т.д.). Здесь в основном истязали, калечили и убивали советских людей. В них, как, например, в камерах Минского, Могилевского, Витебского СД, также оставляли надписи. Однако подвалы в зданиях, где располагались гитлеровские органы полиции безопасности и СД, ГФП, жандармерии, не попали в поле зрения работников тюремного управления. Почему так произошло, объяснения нет. По имеющимся сведениям, на стенах оставшихся без внимания тюрем и камер также были надписи. Не исключено, однако, что из-за пожаров, разрушений, отсутствия крыш они стали не читаемы.

Первой большой тюрьмой на территории Беларуси, которую исследовали на предмет выявления надписей, стала тюрьма УНКВД БССР в Гомеле. Город был первым областным центром БССР, освобожденным 26 ноября 1943 года от гитлеровских захватчиков войсками Белорусского фронта. Тюрьма в Гомеле действовала с первых дней нацистской оккупации: она располагалась в четырех корпусах тюрьмы УНКВД Гомельской области по ул. Советской, 73. В корпусах имелось по 8–9 камер. В каждом содержались заключенные, числящие-

▼ Одна из камер тюрьмы СД в Витебске

ся за определенным карательным органом. В тюрьму направляли арестованных из камер предварительного заключения, ГФП, службы безопасности СД, жандармерии, а также красноармейцев из лагеря военнопленных. При отступлении из Гомеля немцы расстреляли всех узников, более тысячи человек [8, с. 29; 9, л. 4, 6–8, 49–56, 80, 93, 97, 157, 159, 163–167, 174, 214].

Новой администрацией тюрьмы были обследованы камеры и сделаны копии надписей, которые 28 ноября 1943 года, то есть через два дня после освобождения Гомеля, отправили в Москву. Из тысяч узников, в разное время оккупации сидевших в тюрьме, имеются надписи лишь 89.

Приведем этот список полностью, с сохранением стиля и пунктуации того времени:

«ТЮРЬМА г. ГОМЕЛЯ, УНКВД ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛ., БССР

Камера № I (Корпус не указан. Вероятно, камеры № 1, 14 и 18 находились в 4-м корпусе. – А.Л.).

С 18 июня по 30 августа сидели Афанасьев Ф.Ф., Михеев В.И.

Дорошенко С.Р.

Холодченко П.С.

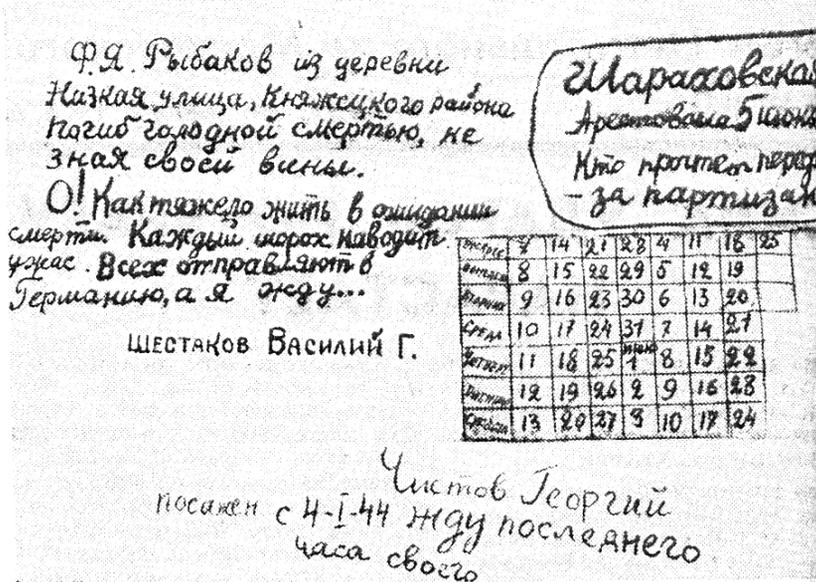
Попов Е.

Головченко Адам. Морзе азбуку написал телеграфист Головченко.

Камера № I4.

Толкачев Николай погиб 26 сентября 1943 г.

▼ Надпись на стене
в могилевской тюрьме

Чуянов Григорий, погиб 26 сентября 1943 г.

26 сентября 1943 г. погиб Войтенко Д.К.

Камера № I8.

Павлович Казимир Ф. Минской области, Дзержинский район, Новоселковский сельсовет, дер. Макович, 25 сентября 1943 г. (г. Дзержинск).

25 апреля 1943 г. вывезено с СД 8 машин на расстрел.

Григорий, Аникей, Галя и ост[альная] семья расстреляны. Шугалевы из С[а]венки, Ветковского района, расстреляны 25 сентября 1943 г. за связь (имеется в виду за связь с партизанами. – А.Л.) (гор. Ветка, Гомельской области).

Камера 2-го корпуса.

Позняков Петр Поликарпович, рождения 1921 года, Тереховка. 25 сентября 1943 г. — погиб.

Корпус № 2. Камера № I.

Митенко Анисим.

Камера № 2.

Куколов Сергей.

Андреевский М.М., Клиницы, прибыл 21 июня, расстрелян 26 сентября 1943 г.

Тарнушенко Мария, выбыла 26 сентября 1943 г.

Алексеев Алексей Калинович, погиб 25 августа 1943 года, расстрелян.

Приходько Федор, расстрелян 26 сентября 1943 г.

Дюкарев Д.П., 13 апреля 1943 г.

Максименко С.М. 6 мая 1943 г.

Моргунов В. 7.8 — 17 февраля 1942 г.

Ковалев Федор Иванович.

Малышев Владимир, 1919 из Новозыбкова, забран 20 февраля 1943 г. судьба решилась 7 мая 1943 г. (Брянской области).

Куприянчик М.А. 16 июля.

Сегодня 90 суток, а допроса все нет — Устенков забран 10 июня 1943 г.

В. Глушаков 17 августа 1943 г.

Ходаков

Редкин Ник. Вас., Саратов, Б. Казачья, 43, расстрелян 26 сентября 1943 г.

Пастушенко Андрей Петрович, Чечерский район, д. Отор, расстрелян 26 сентября 1943 г., кто может передайте родным (м. Чечерск, Гомельской обл.).

Дробышевский Федор Григорьевич, Черский р-н, Наухавическая вол., д. Дубровка, расстрелян 26 сентября 1943 г.

Камера № 3 женская.
 Дуся Прохорова 17 сентября 1942 г.
 Муся Моргунова арест. 6 августа в
 Новозыбкове.

Валя Моргунов в Гомель прибыл 11 августа 1942 г.

Татарина Прасковья из Новозыбкова.
 Касаткина Анна.

С 26 сентября сидели Стрельцова Люба и ее дочь Нелли.

Камера № 4.

Фетисов Виктор, 1924 г., с 14 августа 1943 г.

Мерзлов Валентин.

Огрызко И.Р.

Алейников.

Камера № 5.

Михаленко Анатолий был с 25 мая.

Баулин С.К. прибыл 6 мая 1943 г. убыл.

Ярошевич М.Ф. прибыл 16 мая 1943 г., убыл 23 июня 1943 года.

Баулин В.К.

Милевский Л.

23 июля 1943 г. Маглышев.

Маглышев Миша Чечерск 23 июля 1943 г. выбыл 26 сентября 1943 г.

Милевский Анатолий Иванович, 10 октября 1943 г.

Никитин И.А. прибыл 3 июня 1943 г. убыл.

Миша 13 мая 1943 г., 17 мая 1943 г.

Таня 13 мая 1943 г., 18 мая 1943 г.

Бесчастнов 31 мая 1943 г.

Борейша А.Л. 21 мая 1943 г. убыл.

Солодкин А.В. 6 апреля 1943 г. убыл.

Кузьминичский Вас. Ар.

Клинов — Ардони заточен 22 июля 1943 г.

К.В. Румянцев с 21 марта 1943 г.

Сухаринов Ив. Н.

Летяго Ив. П. 5 марта 1943 г. из Новозыбкова.

Шевцов.

Костя матрос Балтики из воздушно-десантного отряда Комарова погиб 26 сентября 1943 г. расстрелян.

10 июня 1942 г. Алейников.

Громов К.М. прибыл 23 июня 1943 г.

Пакалов Иван.

Зубарев Б.И. прибыл 3 августа — убыл.

Камеры 2-го корпуса.

№ 2.

Был Громов Иван.

№ 3.

Яночкин.

К о р п у с .

Камера № 18

Погиб 25 сентября 1943 г. с ним 30 чел. через расстрел. До свидания товарищи, помните фашистскую власть.

Дубовицкий Петр Павлович.

Вятка, ул. Средняя, 17 — Удалов Иван Данилович, посетил камеру 26 сентября 1943 г. Сидел с 10 июня 1943 г. по 25 сентября 1943 г. (Гомельская обл.).

Сугонякин Федот М. Сивенко.

Ивановы Иван, Михаил, Валентина, Анна расстреляны 25 октября 1943 г. — суббота.

Салов Валентин погиб 25 апреля 1943 г.

Добруш, Дедков Сергей Михайлович, 1921 г. рождения, сидел за связь, пущен в расход 25 сентября 1943 года, Шабловский Михаил Васильевич сидел за связь, пущен в расход 25 сентября 1943 г.

В п о л у р а з р у ш е н н ы х
 к а м е р а х б . ж е н с к о г о
 к о р п у с а .

Лебедев Павел г. Гомель, Подгорная, 19, взяли на расстрел 24 сентября 1943 г., передайте Лебедевой Любе.

Сталинград. обл., Руднянский р-н, с. Рудня, Майская, 112 — Глушковой Марии Фед. — Владимир расстрелян.

Елисеенко Иван Ларионович — село Ути, Тереховского р-на, прибыл 12 сентября 1943 года. Сообщите родным до войны работал директором Случ-Миличанской школы (с. Терехов, Гомельск. обл.)

Роца Смольная, дом 1 Василевич Надя.

г. Добруш, ул. Гомельская, дом 11 Гаврилюченко Петр сидел с 23 августа 1943 г. 25 сентября 1943 г. расстрелян (Гомельская область).

Алтайский край, Барнаул — Короленко, д. 8 Шабанов расстрелян.

Алма-Ата, Каз. ССР, Пушкинская, 25 — Ершов Дмитрий Андреевич, расстрелян.

Усть-Каменогорская обл., Большена-рльский р-н, Малокрасноярский с/с — Назаров расстрелян (Казах. ССР).

Тамбовская область, Ржаксинский район, Отхошевский с/с., Чернов Иван Ан. расстрелян.

Кто первый увидит эту надпись, сообщите пожалуйста Гомель, Роца Смольная, д. 1 Василевич Наде. Погиб здесь

в тюрьме 25 сентября Ермаков Николай Петрович из Москвы, сообщите через газету о моей гибели матери Ермаковой Анне Ильиничне, 1898 г.

Погиб Шляхов Иван Андреевич, сидел с 22 августа 1943 г. по 26 сентября 1943 г. неизвестно за что» [4, л. 92–97].

В фонде 9413 сохранились сведения о проверке с целью установления лиц, упоминаемых в надписях. Из числа узников Гомельской тюрьмы обнаружены материалы на семью Шугалеевых (камера № 18, корпус № 4), Редькине Н.В. (камера № 2, корпус № 2), Пастушенко А.П., Дробышевском Ф.Г., Лебедеве Павле и Гаврилюченке Петре. Все проверки дали отрицательный результат.

Так, о Шугалеевых, которых ТУ разыскивало в декабре 1944 года, от начальника РО НКГБ Ветковского района капитана ГБ Потапова 18 января 1945 года поступил следующий ответ:

«Сов. секретно. Начальнику ТУ НКВД СССР комиссару ГБ т. Никольскому,

Гор. Москва

На № 30/о-3857 от 14.XI.44

Сообщаем, что бывшие жители д. Сивенки Шугалеев Григорий Анисимович и Шугалеев Аникей проживали в указанной деревне до июня м-ца 1943 года. В июне м-ца 1943 года оба они были немцами арестованы и с тех пор судьба их неизвестна».

2 февраля 1945 года Никольский направил начальнику УНКГБ по Гомельской области полковнику ГБ Фукину ориентировку о необходимости установления за Шугалеевыми, в случае их появления, агентурного наблюдения [10, л. 48–51].

Нас заинтересовала судьба этих людей: их поиск мы начали с книги-хроники «Памяць» Ветковского района, изданной в 1999 году. В списке погибших партизан, подпольщиков, участников антифашистского движения, лиц, которые содействовали партизанскому движению и подполью, членов их семей и мирных жителей – жертв фашистского террора значатся жители д. Сивенка Ветковского района: Шугалеев Григорий Аникеевич, Шугалеев Аникей Степанович, Шугалеева Анна Терентьевна (видимо, жена Григория Аникеевича), Шугалеева Варвара Аникеевна, Шугалеева Евдокия Ефимовна, Шугалеева Кристина Сафроновна [11, с. 108]. Можно предположить, что Шугалеева Варвара Аникеевна

(возможно, дочь Аникея Степановича и Анны Терентьевны) также погибла в тюрьме Гомеля. К сожалению, найти какие-нибудь сведения об этом в книге «Памяць» не удалось. Кроме того, что среди 188 воинов-земляков, жителей д. Сивенка, которые погибли или пропали без вести, значится Шугалеев Моисей Аникеевич, рядовой, погиб 29.12.1944 года в Латвии (видимо, сын Аникея). Таким образом, можно сделать вывод, что 25 сентября 1943 года в гомельской тюрьме погибла семья Шугалеевых: Аникей Степанович (отец), Анна Терентьевна (мать), Григорий Аникеевич (сын) и Варвара Аникеевна (дочь). Еще один их сын (?) Моисей Аникеевич избежал ареста (?) и погиб в Латвии в декабре 1944 года. В списке значатся также: Шугалеев Макар Федорович, ефрейтор, погиб 29.6.1944. Похоронен в д. Шатков, Бобруйского р-на, Могилевской области, Шугалеев Филипп Петрович, 1912 г.р, рядовой, погиб в плену 16.12.1941, Шугалеев Сергей Тихонович, ст. лейтенант, пропал без вести в декабре 1944 года, Шугалеев Федор Петрович, рядовой, пропал без вести в апреле 1944 года, Шугалеев Федот Титович, рядовой, пропал без вести в мае 1944 года.

За что конкретно были арестованы Шугалеевы, с каким из партизанских отрядов или со спецгруппой они были связаны, предстоит еще выяснить. Сивенка, деревня, центр Сивенского сельсовета. В 1785 году – принадлежала князю И. Халецкому. В справочнике 1886 года она значится в составе Вылевской волости Гомельского уезда, 95 дворов, 516 жителей, ветряная мельница. В 1941 году – 214 дворов, 650 жителей. Немецко-фашистские захватчики сожгли всю деревню, расстреляли 22 человека. На фронтах Великой Отечественной войны погибли 144 жителя. В 1969 году в деревне было 188 дворов, 596 жителей. Средняя школа, детсад, клуб, библиотека, отделение связи, швейная и портняжная мастерские, магазин. В связи с аварией на Чернобыльской АЭС она была отселена в 1992 году. На западной окраине – братская могила, где захоронено 167 советских воинов. В центре деревни в 1986 году установлен памятник – скульптура воина и стела с именами 215 земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны [11, с. 439].

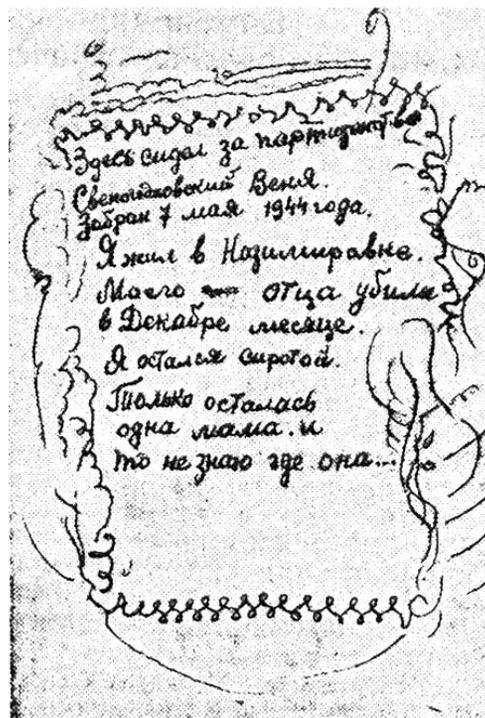
Из 17 надписей, оставленных в камере № 2 корпуса № 2, на сегодняшний день

определенно можно говорить о данных на четырех лиц. Это Пастушенко Андрей Петрович, Дробышевский Федор Григорьевич, Редькин Николай Васильевич и Глушаков Владимир.

Надписи свидетельствуют, что Пастушенко и Дробышевский были родом из Чечерского района Гомельской области. Первый из д. Отор, а второй из д. Дубровка. Редькин – из Саратова. Судя по обнаруженным сведениям, их судьба может служить примером патриотического выполнения долга. Так как на этих людей имелись почти полные «установочные данные», их искали. По поводу Пастушенко ответ поступил за подписями начальника Чечерского РО НКГБ капитана Воронцова и оперуполномоченного Чечерского РО НКГБ старшего лейтенанта ГБ Алеева: «На Ваш № от 28.III.1945 сообщаем, что Пастушенко Андрей Петрович в период немецкой оккупации проживал по месту рождения в д. Оторе Чечерского района Гомельской области. В 1943 г. Пастушенко арестован немцами о судьбе последнего никто ничего не знает» [12, л. 18]. Этот ответ был дополнен в сообщении начальника УНКГБ Гомельской области полковника ГБ Фукина Никольскому 2 апреля 1945 года: «Проверкой утановлено, что Пастушенко Андрей Петрович, уроженец д. Отор Чечерского р-на Гомельской области действительно был подвергнут аресту зимой 1943 г. «СД» за хранение книг тов. Сталина «О Великой Отечественной Войне» и о его дальнейшей судьбе ничего не известно» [13, л. 23].

В книге «Памяць» Чечерского района в списке погибших партизан, подпольщиков, участников антифашистского движения д. Отор, Оторского сельсовета на с. 307 значится Пастушенко Андрей Петрович, 1912 года рождения. В этой же книге в списке воинов-земляков, которые погибли или пропали без вести в 1941–1944 гг., среди 73 человек значится также Пастушенко Андрей Петрович, 1914 года рождения, погиб в 1941 году [14, с. 430–432].

Установить, идет ли речь об одном человеке или о двух, пока не представилось возможным. Книга «Памяць» является не вполне надежным источником. Так, в статье о д. Отор на одной странице говорится о том, что в Великую Отечественную войну в боях с немецко-фашистскими захватчиками погибли 462 земляка, а через несколько

строк – что 1,5 км западнее деревни стоит памятник землякам «на ўшанаванне памяці 469 вяскоўцаў, якія загінулі на франтах Вялікай Айчыннай вайны, і 213 мірных жыхароў, закатаваных захопнікамі ў 1941 г. і лістападзе 1943 г. У 1975 г. насыпаны курган Славы» [14, с. 600].

На памятнике землякам д. Отор имена:

Пастушенко Андрей Петрович, 1912 г.р.
Пастушенко Арина Андреевна, 1876 г.р.
(мать Андрея Петровича?)

Пастушенко Валя Андреевна, 1938 г.р.
(дочь Андрея Петровича?)

Пастушенко Леонид Андреевич, 1942 г.р.
(сын Андрея Петровича?)

Пастушенко Раиса Алексеевна, 1911 г.р.
(жена Андрея Петровича?) [14, с. 430–432].

Очевидно, что полностью уничтожена семья А.П. Пастушенко. Также очевидно, что хозяин был связан с партизанами. К сожалению, в картотеке партизан и подпольщиков Беларуси он не значится. Возможно, он был связным одной из спецгрупп НКВД–НКГБ или группы Разведупра Красной армии.

Упомянутые Воронцов и Алеев дали ответ и по Ф.Г. Дробышевскому: «Сообщаем, что Дробышевский Федор Григорьевич, 1919 г.р., д. Дубровка, в годы оккупации служил медфельдшером при Дудничской

больнице. 6 августа 1943 г. немецкими властями был совместно с женой арестован и содержался в тюрьме г. Гомель до 26.IX. За связь с партизанами был расстрелян. Проверкой установлено, что Дробышевский с момента ареста немецкими властями в д. Дубровка не появлялся и о его судьбе, как жена, а также родители по настоящее время не знают» [15, л. 106–107].

В книге «Памяць» Чечерского района в списке погибших партизан, подпольщиков, участников антифашистского движения д. Дубровка Наухавичского сельсовета среди трех погибших значится Дробышевский Федор Г. [ригорьевич], 1917 г.р. [14, с. 305]. Как и в случае с Пастушенко, книга не проясняет ситуацию. Представляется, что приведенный выше ответ Воронцова и Алеева содержит более точные данные. Как видно из книги «Памяць», в д. Дубровка в 1990 году было 34 двора, 57 жителей, клуб, магазин. Однако в связи с аварией на Чернобыльской АЭС деревня была отселена [14, с. 591].

В декабре 1944 года в ТУ поступили материалы проверки на Редькина Н.В.

«На Ваш № 30-0-3835 от 12.XII.44 г. общаем:

«Редькин Николай Васильевич, 1907 г.р., урож. г. Риги, русский, гражданин СССР, член ВКП(б), с 9.VII.41 по 23.VII. 1941 г. проживал одиноко по адресу: ул. 20 лет ВЛКСМ, д.43, кв.9. С 23.VII.41 г. выбыл якобы на фронт. Родственников в доме не имеет. С момента выезда из г. Саратова в доме больше не появляется. Компрометирующих материалов по оперучетам УНКГБ и УНКВД не имеется.

Нач 2-го отдела УНКГБ по Саратовской области майор ГБ Изотов

Нач 9-го ОТД 2 отдела УНКГБ капитан ГБ Исаев».

5 февраля 1945 года начальнику УНКГБ по Саратовской области полковнику ГБ т. Макарьеву была отправлена традиционная ориентировка: «После освобождения г. Гомеля, БССР, от немецких захватчиков на стене камеры Гомельской тюрьмы была обнаружена надпись, оставленная Редькиным Николаем Васильевичем следующего содержания: «Редькин Николай Васильевич, 1907 г.р., г. Саратов, Б. Казачья 43, 26.IX.1943 г.»». Проверкой по последнему месту жительства Редькина получены следующие данные: Редькин Николай Васи-

льевич, 1907 г.р., уроженец г. Риги, русский, член ВКП(б), с 9.VII.41 по 23.VII. 1941 г. проживал по адресу: улица 20 лет ВЛКСМ, д. 43, кв. 9. С 23.VII.1941 г. выбыл якобы на фронт. Родственников в доме не имеет. Ориентируя Вас об изложенном, просим в случае, если Редькин появится в г. Саратове взять его под агентурное наблюдение на предмет выяснения обстоятельств, при которых он оказался на территории временно оккупированной немцами, когда и за что был ими заключен в Гомельскую тюрьму, а также не был ли он завербован немецкой разведкой.

Начальник ТУ НКВД СССР комиссар ГБ Никольский

Начальник оперативного отдела полковник Ильин» [10, л. 44–45].

Больше о Редькине ничего найти не удалось. Совершенно очевидно, что он был расстрелян с другими 26 сентября 1943 года. Возможно, прочитав эту публикацию, откликнется кто-то из тех, кто знает этих людей.

О судьбе третьего, Глушакова В., надпись ничего не говорит. Его не искало и ведомство Никольского. Однако, по ряду обстоятельств, на сегодняшний день о нем известно намного больше, чем о первых двух .

С именем Глушакова связано самое гнусное и подлое, что присуще человеческой природе – предательство друзей, родных и знакомых. Благодаря деятельности советских чекистов, мы знаем историю его падения. Он был осужден в 1945 году к высшей мере наказания – расстрелу.

Глушаков Владимир Максимович, 1913 г.р, г. Гомель, окончил 7 классов и Минское пехотное училище в 1936 году. Член ВКП(б) с 1931 года. В начале войны служил в Волковыске в должности помощника начальника 1-го отдела штаба механизированной дивизии. Попал в окружение, а затем – в плен. Бежал. Прибыл в Гомель. Здесь стал членом одной из подпольных групп. В начале лета 1942 года был арестован абвергруппой-315. Вступил в сотрудничество с врагом.

В приговоре суда по его делу указано: «...Работая агентом немецкой контрразведки, Глушаков, используя метод провокации, создавал подпольные группы для борьбы с оккупантами, вербуя в них советских патриотов, а затем выдавал их оккупантам.

Таким методом он организовал группу из рабочих гор. Гомеля, работавших на паровозо-вагонном ремонтном заводе и по его доносу, в феврале 1943 года, на этом заводе было арестовано 60 человек рабочих, часть из этих рабочих немцами была расстреляна.

В марте 1943 года Глушаков вместе с агентом немецкой контрразведки Третьяковской по заданию немецкой контрразведки путем провокации выдали оккупантам 24-х человек советских граждан гор. Добруша, которые впоследствии были арестованы немцами, некоторые из них были заключены в лагерь, а Руденок и Огрызко были расстреляны.

В апреле 1943 года Глушаков вместе с Третьяковской по заданию немецкой контрразведки выезжали в гор. Климов Орловской области и проводили разведывательную работу по выявлению партизан и граждан, настроенных враждебно против оккупантов.

Глушаков, выполняя шпионско-предательскую работу в гор. Климове в августе 1943 года, по заданию немецкой контрразведки вступил в партизанский отряд и во время изгнания оккупантов с территории Орловской области остался в тылу Красной Армии для разведывательной работы в пользу германской разведки...» [16, л. 22].

А теперь о Павле Лебедеве, о котором надпись свидетельствовала: «Лебедев Павел, г. Гомель, Подгорная, 19. Взяли на расстрел 19.IX.1943, передайте Лебедевой Любе» [17, л. 24 об]. На запрос Никольского из Гомеля 17 апреля 1945 года поступил ответ, подписанный начальником 2-го отдела УНКГБ Гомельской области майором Лукельевым и начальником 8-го отделения 2-го отдела УНКГБ старшим лейтенантом Воронкиным:

«На Ваш запрос № 30/-1082 от 26.III.1945 г. сообщаем, что проверяемый Вами Лебедев Павел на жительстве в г. Гомель не установлен, так как дом № 19 по ул. Подгорной сожжен, а из жителей, знающих Лебедева никого нет» [17, л. 145].

Других сведений о Павле Лебедеве нам обнаружить не удалось, за исключением размещенных во втором томе книги-хроники «Памяць». В списке погибших мирных жителей г. Гомеля – жертв фашистского террора значится: «Лебедев Павел Кузьмич, 1923 г.р., расстрелян в 1942 г.» [18, с. 165].

Кем был П. Лебедев и какова его реальная судьба, остается тайной.

По материалам проверки Гаврилюшенко П.А. начальник ТУ НКВД СССР Никольский начальнику УНКГБ Гомельской области полковнику ГБ Фукину шлет ориентировку от 17 мая 1945 года: «Проверкой установлено, что по адресу: г. Добруш, по ул. К. Маркса (при немцах Гомельская) д. 11, в период немецкой оккупации проживал Гаврилюшенко Петр Андреевич, 1925 г.р., уроженец Злынка Брянской области. В 1943 году Гаврилюшенко поступил на службу в немецкую полицию, но в августе того же года полицией был арестован за сочувствие партизанам и по непроверенным данным был, якобы, угнан немцами вглубь Германии. В г. Добруш проживает отец Гаврилюшенко Андрей Кондратьевич и сестра Матрена Андреевна, которым о месте Гаврилюшенко П.А. ничего не известно. Два брата его служат в Красной Армии. Ориентируя Вас об изложенном, просим в случае появления Гаврилюшенко в Гомельскую область, установить за ним агентурное наблюдение, имея в виду возможность заброски Гаврилюшенко П.А. немецкой разведкой на советскую территорию [15, л. 34]. Больше о его судьбе ничего не известно.

(Продолжение следует). ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Цветкова, Н. 900 дней в фашистских застенках / Н. Цветкова // В фашистских застенках. – Минск: Государственное издательство БССР, 1953. – С. 9–118.
2. Ведомственный государственный архив МВД Украины (далее – ВГА МВД Украины). – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 62 (Копия документа предоставлена д.и.н. Т.В. Вронской).
3. ВГА МВД Украины. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 63.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 52.
5. ГАРФ. – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 67.
6. ВГА МВД Украины. – Фонд 45. – Оп. 1. – Д. 135.
7. ГАРФ. – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 50.
8. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Белоруссии 1941–1944 / Авт.-сост. В.И.Адамушко [и др.]; науч.ред. Р.П.Платонов, В.И.Адамушко. – Минск: НАРБ, 2001. – 158 с.
9. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1345. – Оп. 1. – Д. 9.
10. ГАРФ. – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 59.
11. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Веткаўскага раёна: у 2 кн. – Кн. 2. – Мінск: БЕЛТА, 1998.
12. ГАРФ. – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 65.
13. ГАРФ. – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 66.
14. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Чачэрскага раёна. – Мінск: БЕЛТА, 2000.
15. ГАРФ. – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 64.
16. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1392. – Оп. 1. – Д. 11.
17. ГАРФ. – Фонд 3913. – Оп. 1. – Д. 52.
18. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Гомеля: у 2 кн. – Кн. 2. – Мінск: БЕЛТА, 1999.